

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies)
Vol. 17, Is. 1, pp. 45–63, 2025 DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64	ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕНИЕ

УДК 930 (517.3)

UDC 930 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64

**«Монгольский вопрос» в газете
«Восточное обозрение» в конце
XIX в.**

Лилия Владимировна Кальмина¹,
Леонид Владимирович Курас²

**“Mongolian Issue” in Newspaper *The
Eastern Review*, Late 19th Century**

Lilia V. Kalmina¹,
Leonid V. Kuras²

¹ Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой,
670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the RAS (6,
Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian
Federation)

доктор исторических наук, ведущий на-
учный сотрудник

Dr. Sc. (History), Leading Research Asso-
ciate

0000-0001-8577-2496. E-mail: kalminal[at]gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой,
670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the RAS (6,
Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian
Federation)

доктор исторических наук, главный науч-
ный сотрудник

Dr. Sc. (History), Senior Research Associ-
ate

0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Кальмина Л. В., Курас Л. В., 2025

© Kalmina L. V., Kuras L. V., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена монгольской тематике на страницах издания областников — газеты «Восточное обозрение», которая уделяла Монголии серьезное внимание. *Цель* исследования — анализ направлений «монгольской» проблематики в издании, в котором Монголия рассматривалась как торговый партнер и возможная арена борьбы с Китаем, а также позиции газеты в определении способов вовлечения

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the Mongolian topic on a regional (*oblastniki*) edition pages *The Eastern Review*, which paid a very serious attention to Mongolia. *Goal of investigation* — description of the Mongolian topic directions in an edition, having treated Mongolia as a trade partner and possible field in the struggle against China, as well as the newspaper's point of view in definition of Mongolian way of involvement in Russian sphere

Монголии в орбиту российского влияния. *Материалы и методы.* Работа основана на материалах газеты «Восточное обозрение» — источника, редко используемого историками российско-монгольских отношений в обозначенный хронологический период. При работе над статьей авторы придерживались проблемно-хронологического принципа изложения материала, наиболее уместного в сформулированной концепции. Применялись и специальные исторические методы — историко-сравнительный и историко-генетический. *Результаты и выводы.* Авторами выявлены основные направления монгольской тематики «Восточного обозрения»: особенности «национального характера» монголов, принципы российско-монгольской торговли, место Монголии в геополитической стратегии России. Издание отмечало миролюбивый характер монголов и их способность к «культурной восприимчивости». Главными препятствиями на пути развития российско-монгольской торговли газета считала неразвитую транспортную инфраструктуру и противодействие Китая, опасавшегося усиления российского влияния на монголов. Выход издания виделось в усилении дипломатических методов работы, способных оказать помощь российскому купечеству в завоевании монгольского рынка. В определении позиции России по отношению к Монголии редакция, вопреки сторонникам политики «жесткой руки», придерживалась принципа «мягкой силы», будучи уверенной, что российские товары, российский менталитет и мудрое управление склонят Монголию на сторону России быстрее, чем применение оружия.

Ключевые слова: газета «Восточное обозрение», Монголия, российско-монгольская торговля, российское купечество, пути сообщения, Чуйский тракт, бийские купцы, китайская конкуренция, Кяхта, Кобдо, чайная торговля

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ: Л. В. Кальминой — по проекту «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономиче-

of influence. *Materials and methods.* The research is based on *The Eastern Review's* publications, the source rarely used in Russian-Mongolian relations investigation in the given historical period. When writing the article, authors stuck to the material presentation problem-chronological method, more suitable to the formulated concept. Special historic-comparative and historic-genetic methods have been used as well. *Results and conclusions.* The authors identified *The Eastern Review's* main Mongolian topic directions: Mongolian “national character’s” peculiarities, Russian-Mongolian trade principles, Mongolian place in Russian geopolitical strategy. According to the paper, the Mongols possessed peace loving character and the capacity for “cultural sensitivity”. The newspaper strictly objected those who treated the Mongols as ignorant people not capable to progress. The staff stressed the need for development of the Russian-Mongolian relations and willingly placed the materials about Russian merchants looking for new trade routs in Mongolia on its pages. The newspaper considered the undeveloped transport infrastructure and the opposition of China, which feared the strengthening of Russian influence on the Mongols, to be the main obstacles to the development of Russian-Mongolian trade. The edition found the way out in diplomatic methods, able to give assistance to the Russian merchants in the Mongolian market conquest. In Russia’s position definition in connection with Mongolia despite the supporters of *strong hand* the staff declared the principle of *soft force*, being sure that Russian goods, Russian mentality and wise management would attract Mongolia to the Russian side better than weapons.

Keywords: Newspaper *The Eastern Review*, Mongolia, Russian-Mongolian trade, Russian merchants, communication paths, the Chuysky tract, Biysks merchants, Chinese competition, Kyakhta, Kobdo, tea trade.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: L. V. Kalmina — project “Russia and Inner, Asia: geopolitical, social-economic and

ского и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.), № 121031000243-5; Л. В. Курасом — по проекту «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1.

Для цитирования: Кальмина Л. В., Курас Л. В. «Монгольский вопрос» в газете «Восточное обозрение» в конце XIX в. // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 45–64. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64

intercultural cooperation dynamics (17th–21st cc.)’ no. 121031000243-5; L. V. Kuras — project “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States”, no. 121031000241-1

For citation: Kalmina L. V., Kuras L. V. “Mongolian Issue” in Newspaper *The Eastern Review*, Late 19th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 45–64. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-45-64

1. Введение

Газета «Восточное обозрение» была основана лидером областников Н. М. Ядринцевым в Санкт-Петербурге в 1882 г. Убедившись, что жизнь восточных окраин не очень интересует столичную публику, он принял решение перенести редакцию в Иркутск, поближе к освещаемым газетой местам событий [ВО, № 40 1897: 2]. В первом «иркутском» номере редакция сообщила: «Мы избрали Восточную Сибирь и город Иркутск резиденцией редакции, потому, что в нем всегда более живо бьется пульс общественной жизни, что самое общество здесь более чутко к общественным вопросам» [ВО, № 1 1888: 2].

Разрабатывая программу газеты, Н. М. Ядринцев выделял разработку естественных богатств края, положение торговли на Востоке, связи с азиатскими странами и развитие просвещения как способы «усиления русского элемента на Востоке» [Гольдфарб 1997: 41]. В этом контексте Монголия интересовала редакцию с самого начала. Причины ее интереса были изложены в перепечатанной газетой публичной лекции Г. Н. Потанина: «...для русских Монголия во многих отношениях очень важна. На протяжении нескольких тысяч верст она граничит с нашим отечеством; в Сибири живут сородичи монголов; через Монголию проходят наши караваны в богатые провинции застенного Китая; наконец, история Монголии связана с нашей древней историей. Естественно, что за последние годы мы начали ближе интересоваться этою странюю, ее настоящим состоянием и будущими судьбами» [ВО, № 18 1887: 8]. Еще раньше аналогичные мысли высказал неизвестный автор, откликнувшийся на отчет о третьем путешествии Н. М. Пржевальского, который был опубликован в Санкт-Петербурге в 1883 г.: «Некоторая доля интереса заключается и в том обстоятельстве, что исторические судьбы Монголии были некогда связаны с судьбами России; двухсотлетний период татарского ига получил свое начало в монгольской истории — и для нас страна, из которой вышли завоеватели, не может не быть интересна» [ВО, № 41 1883: 7].

В монгольской проблематике на страницах газеты в конце XIX в. можно выделить три основных направления: отчеты путешественников о посещении Монголии с анализом ее природно-климатических условий, этнических характеристик и верований монгольских народов; торговые операции российских купцов в Монголии; материалы геополитического содержания о необходимости усиления российских позиций в Монголии. Редакция имела возможность получать

информацию, что называется, из первых рук. Она сотрудничала с изучавшими Монголию видными исследователями Н. М. Пржевальским, Г. Н. Потаниным и др., содержала собственного корреспондента в Кобдо, ее постоянным автором был видный дипломат, востоковед В. Ф. Люба, будущий генеральный консул в Улясутае, Урге и Кобдо. С редакцией делились своими наблюдениями торговцы, которые вели дела во Внутренней Азии, жители Дальнего Востока и Монголии, активные читатели, имевшие острый глаз и бойкое перо. Имена многих из них установить не удалось. В то время безымянные корреспонденции были обычным явлением.

2. Материалы и методы

Исследование проводилось на основе анализа материалов газеты «Восточное обозрение», посвященных монгольской проблематике, и научных работ историков-монголоведов, исследовавших российско-монгольские отношения в указанный период. Авторы проанализировали сплошной массив газет, без выборки, за 16 лет — с 1882 г. по 1897 г. [BO 1882–1897]. Всего в исследовательское поле попали 1 230 номеров газеты. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые.

В исследовании применялся проблемно-хронологический метод, позволяющий рассмотреть в динамике вопросы развития российско-монгольских отношений в контексте «китайской» политики в Монголии. Использование историко-генетического метода позволяет увидеть корень той или иной проблемы в российско-монгольских отношениях, анализируемой изданием. Историко-сравнительный метод дал возможность сравнить разные тактики по отношению к Монголии, предлагаемые авторами газеты.

3. «Монголы отличаются образованностью»

«Пробелов в нашем знании Монголии много, — писал ранее упоминаемый нами автор отклика на отчет Н. М. Пржевальского, — об административном устройстве и социальном быте сведения наши скудны и, вероятно, неверны вследствие неумения нашего смотреть на чужую жизнь без предвзятого мнения» [BO, № 41 1883: 8]. Этнографических очерков, описывающих «монгольский национальный характер», газета поместила немало. Все авторы обращали внимание на миролюбие монголов. *«Иностранец может спокойно путешествовать в одиночку, не боясь нанесения обид, — писал неизвестный автор рецензии на «Очерки Северо-Западной Монголии» Г. Н. Потанина, — тогда как в киргизских степях конокрадство — обычное явление»* [BO, № 2 1882: 17]. Собственный корреспондент газеты в Кобдо тоже обратил внимание на миролюбие монголов, особенно в сравнении с киргизами: если везти чай по Монголии через киргизские кочевки, затруднительно найти возчиков, так как монголы боятся киргизов, которые постоянно вступают в драку и грабят караваны [BO, № 1 1883: 9].

В передовой статье газеты «North China Herald», перепечатанной «Восточным обозрением», монголы оценивались как сильные, храбрые, независимые, обладающие *«всеми качествами, необходимыми для развития прогресса»* [BO, № 3 1882: 7]. По мнению газеты, китайцы удерживали их в подчинении только из-за их разобщенности: *«Китаю выгодно поддерживать их разбросанность и невежество»* [BO, № 3 1882: 7]. Взгляд шанхайской газеты на способности

монголов, комментирует далее «Восточное обозрение», *«опережает предрассудки некоторых наших соотечественников, изображающих монголов неспособными к культуре и не заслуживающими внимания»* [ВО, № 3 1882: 7]. Уже упоминавшийся нами автор рецензии на «Очерки» Г. Н. Потанина отмечал, что *«монголы по уровню развития культуры выгодно отличаются от киргизов образованностью князей и открытием кочующих библиотек, школ грамотности, развитием таковой у народа»*, несмотря на *«в целом очень нелегкую жизнь низших слоев населения»* [ВО, № 2 1882: 17].

Эти впечатления подтверждались наблюдениями военных агентов. *«В умственном отношении нельзя отнять у монголов чрезвычайной сметливости, — писал предпринявший разведывательную поездку по Монголии А. А. Баторский. — <...> Но вне круга своей обычной деятельности монгол не сумеет проявить и сотой доли той сметливости, которая в сфере его жизни и обстановки неоднократно вызывала удивление путешественников»* [Монголия... 1891: 33].

В одном из номеров газеты редакция, дав в изложении книгу И. Ф. Кудина «В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю»¹, обвинила автора в легкомыслии и поверхностности суждений, отсутствии *«критического чутья и таланта»* в описании монголов и китайцев. *«Автор, как видно, не понимает, что и русскому образованному читателю нужен не один набросок внешней жизни азиатских племен, — говорилось в рецензии на книгу под названием «Новый обличитель Китая», — но и серьезные сведения, что мы считаем азиатские страны достойными основательного изучения <...> — об этом свидетельствует появление из нашей среды Потаниных, Пржевальских и др.»* [ВО, № 40 1887: 8]. Редакция, будучи высокого мнения о культуре азиатских народов, отмечала, что автор отталкивает негуманным, брезгливым к ним отношением, которым пропитано все его сочинение и которое не позволяет доверять его впечатлениям, и предрекала жесткую критику его творения за *«невежественные предрассудки и предубеждения»* [ВО, № 40 1887: 9].

В географическом и этнографическом очерке исследования Монголии в 1891 г. говорилось, что, по длительным наблюдениям, весь район пригобийский и орхоно-селенгинский — не какая-то пустыня, годная только для кочевников, но *«способная к культуре»*, где монголы и китайцы начинают заниматься земледелием. *«Все это бросает иной свет на прилежащую Монголию, дает надежду со временем сделаться ей страной культурной»*, — приходит к выводу исследователь [ВО, № 42 1891: 9].

4. Дела идут, хотя и туго»

Больше всего «монгольских» материалов в газете было посвящено русско-монгольской торговле, развитию которой редакция придавала большое значение. *«Торговля пролагала пути к культуре, — говорилось в передовой статье, — обеспечивала прочность границ, она сближала племена и устанавливала мирные сношения»* [ВО, № 13 1889: 2].

Российско-монгольская торговля имела долгую историю: она началась еще в XVII в., хотя имела тогда незначительные масштабы и носила эпизодический характер. Активизации русско-монгольских торговых отношений служила

¹ Речь идет о книге [Кудинов 1887].

транзитная русско-китайская торговля, которая после заключения Нерчинского договора 1689 г. приняла регулярный характер. Хотя конечной целью движения русских караванов через Монголию был Китай, часть товаров купцы имели право продавать монголам [Тагаров 2022: 42].

Пекинский договор 1860 г. расширил торговые права России в Китае. В частности он разрешил свободную беспошлинную торговлю по всей русско-китайской границе. К тому же русским купцам по пути в Китай разрешалась торговля в Урге. В соответствии с правилами сухопутной торговли, принятыми 20 февраля 1862 г., купцы имели право беспошлинно торговать по всей Монголии [Старцев 2003: 65]. Однако реальность была куда менее радужной, чем декларировали договоры и правила. Член-сотрудник Императорского географического общества А. В. Адрианов в своей статье «Русская торговля на границах Китая» писал, что, хотя отношения с народами пограничных с Сибирью китайских владений, с монголами в том числе, могли бы быть очень выгодны, развивались они туго и встречали непредвиденные препятствия [ВО, № 14 1882: 9].

Одним из главных препятствий было отсутствие удобных путей сообщения. И если, как писал в «Восточном обозрении» неизвестный автор, «с северной Монголией мы уже завели торговые сношения по всей длине нашей государственной границы» [ВО, № 41 1883: 7], то другие направления оставались малоосвоенными. «...до сих пор мы не имеем еще описания всех горных проходов, ведущих из России в Монголию, — писал автор отклика на отчет Н. М. Пржевальского. — Значительные участки земли, прилегающие к Сибири с юга, еще ни разу не были посещены каким-либо лицом, сведущим и способным составить отчет о пройденной местности <...>. — Конечно, изучение жизненных условий своего собственного общества важнее изучения жизни соседей, <...> — это бесспорно; но дело в том, что у нас обыкновенно о важности внутренних дел и предпочтении их внешним говорится тогда, когда в действительности ни о внутренних, ни о внешних делах серьезно не заботятся» [ВО, № 41 1883: 8]. «На северной границе Монголии и Маньчжурии дела идут, хотя и туго <...>, — писал в редакцию А. Сумароков¹, чье письмо было опубликовано под заголовком «Наши отношения к Китаю и китайцам». — Не то мы видим на западной границе. На восточных наших окраинах, прилегающих к Китаю, удобные торговые пути существуют только в трех местах, и те проходят через высокие горные хребты» [ВО, № 25 1882: 3]. «В то время, когда по Китаю на нашей границе стелется „скатертью дорога“, — указывалось в редакционной хронике, — только на нашей границе и в наших пределах дорога в самом первобытном виде. <...> И после этого мы жалуемся, что торговля у нас не развивается!» [Кальмина 2024: 68]. Генеральный консул Российской империи в Урге Я. П. Шишмарев в донесении в Министерство иностранных дел указывал, что выдержать торговую конкуренцию с Англией не представляется возможным: доставить английские товары из морских портов Китая вглубь страны по грунтовым дорогам не составляет труда, тогда как в Западной Сибири таких дорог нет, и российские товары приходится доставлять по старинке — караванами [ВО, № 47 1883: 5]. Даже спустя 12 лет мало что изменилось. Редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов в статье «Русская торговля на Дальнем Востоке» сетовал, что, несмотря на близкое соседство с Китаем, с которым Россия поддерживает торговлю

¹ Отчество не известно.

уже в течение нескольких веков, Россия и даже Сибирь находятся в значительно худших условиях, чем весьма отдаленная Европа. Сообщение с Китаем через неудобопроходимую Монголию сопряжено с большими трудностями, тогда как европейцы, так же, как американцы и японцы, пользуются удобными морскими сообщениями [ВО, № 76 1895: 1].

Упомянутые удобные пути в Западную Монголию, идущие через саянские и алтайские перевалы, — это чуйская дорога на Бийск в Кобдо, енисейская из Минусинска в сойотскую землю и тункинская из Тункинского селения. Автор материала «Теснина Енисея» из этих трех путей, по которым русские торговцы впервые начали проникать в пределы Монголии, наибольшее значение по количеству сбываемых русских товаров придает чуйской дороге, т. е. через город Бийск [ВО, № 14 1890: 1]. Редакция «Восточного обозрения» также считала ее наиболее перспективной, несмотря на ее сложность и опасность. *«Мы не раз говорили о сношениях с Китаем и Монголией чрез Чуйскую дорогу, — сообщалось в передовой статье «К вопросу о развитии торговых путей на Восток». — Эта дорога весьма важна для нашей торговли и развития сношений, точно также она может пригодиться и для военных надобностей»* [ВО, № 29 1887: 1]. Газета охотно печатала материалы в поддержку этого пути. Например, в одном из номеров была помещена статья «Незамеченный путь в Китай», в котором анонимный автор сетовал на пренебрежение к западносибирскому направлению и доказывал его преимущества. *«Торговая деятельность шла только на востоке через Кяхту, — писал он, — причем китайцы пододвинули свою факторию, чтобы предотвратить попытки нашей караванной торговли и не допустить соперничества в Монголии. В этом случае политика Китая была весьма проницательна. Мы, с своей стороны, строили разные планы, искусственно поддерживали Кяхту, придумывали открытие новых путей на север, <...> но в это время мы не заметили одного, что у нас торговые отношения на западной границе давно завязались, и сибиряки проторяли новую дорогу в Китай»* [ВО, № 3 1884: 1]. Автор статьи подробно описывал торговый путь на Кобдо, представлявший собой узкие тропы на высоте нескольких десятков саженей с постоянным риском падения в бездну лошадей с огромными выюками при малейшем соприкосновении груза с отвесной скалой и при нарушении равновесия: *«...этими путями наша торговля добралась до китайских городов Кобдо и Улясутая, а русские приказчики посещают Монголию»*, — не без гордости заключил автор, добавив, что *«это окно в западный Китай слишком важно как для русских коммерческих, так и политических интересов, чтобы его игнорировать»* [ВО, № 3 1884: 1–2].

Путь признали перспективным и Я. П. Шишмарев, убеждавший в необходимости расчистки торгового пути от Бийска по р. Чуе, где дорога преграждалась мешающими колесному движению скалами, и подполковник генерального штаба М. В. Певцов, автор опубликованного газетой отчета о путешествии в Монголию и внутренний Китай в 1878–1879 г., который оценивал Чуйский тракт как *«главную артерию торгового движения из Западной Сибири в Монголию»* [ВО, № 3 1884: 2]; и автор статьи «Торговые сношения с Китаем на западносибирской границе Сибири», считавший этот маршрут проводником торговли не только в западную Монголию, но и на внутренние китайские рынки. *«Мы не думаем, чтобы эти <...> дороги в Китай повредили прежним путям чрез Кяхту, —*

рассуждал последний. — *Китайскую стену торговой замкнутости полезно пробивать в различных пунктах, и торговые сношения на западе Сибири могут иметь свое значение, как и на Востоке*» [ВО, № 17 1889: 4].

Этот путь проложили бийские купцы, чьи заслуги как пионеров в деле установления торговых связей с монголами с конца XVIII в. были отмечены в материале М. Миловзорова¹ «Очерк русской торговли с Монголией через урочище Кош-Агач», опубликованном в двух номерах газеты. «...бийские купцы проходили опасные горные дороги, ведущие в Кош-Агач, — писал автор, — выдерживали соперничество казаков, монополизировавших торговлю с китайцами и монголами, и, лишенные возможности перейти границу, сумели привлечь к себе массу торгового населения Монголии» [ВО, № 32 1889: 10]. Основной сюжет очерка связан с проникновением бийских купцов в Кобдо, расположенный среди многочисленных монгольских племен и сосредоточивший в себе довольно значительную китайскую торговлю. Успеху способствовало совпадение этого решения с интересом западносибирской администрации к русско-монгольской торговле. «Прибытие русских в Кобдо с торговым караваном было чрезвычайной неожиданностью для туземных властей, — писал автор, — они пришли в полное замешательство и, отзываясь незнанием трактатов, отказались разрешить русскую торговлю. Бийским купцам пришлось ретироваться, но их появление в Кобдо оказало русскому торговому делу важные услуги: завязавшиеся по этому поводу дипломатические сношения закончились тем, что из Пекина послан был в Кобдо указ о разрешении русской торговли в монгольских городах и кочевьях» [ВО, № 2 1889: 10]. Заслуги алтайских купцов отмечал и российский дипломат В. Ф. Люба: «...если кто-нибудь и сделал что-либо для оживления нашей торговли в Монголии вообще, то это исключительно наши бийские барнаульские торговцы, не ослабевавшие в своей энергии, несмотря на самые неблагоприятные для торговли условия» [ВО, № 13 1891: 8]. Исследователи указывают, что бийское купечество, монополизировавшее торговлю в Кобдоском округе, в дальнейшем продолжало искать возможности удешевления и ускорения доставки товаров из Бийска в Кобдо. К тому же оно не оставляло надежд проложить новый путь в Китай через территорию Монголии [Единархова 2005: 86]. Препятствием окончательному утверждению русского торгового господства в Кош-Агаче М. Миловзоров считал «отсутствие крупных капиталов у бийских купцов и первобытные пути сообщения» [ВО, № 33 1889: 8].

В напечатанном газетой отчете подполковника Генштаба М. В. Певцова отмечена заслуга бийских купцов в установлении торговых связей и с городом Хухэ-хото, хотя он считал, что «настоящим творцом возникающей на этом направлении торговой деятельности может быть только наше правительство, которое, вероятно, не оставит ее без своего покровительства» [ВО, № 4 1884: 7]. «Без правительственной же поддержки в этом направлении, — утверждал автор отчета, — будущность нашей торговли в Куку-хото² представляется нам весьма сомнительною, и стремления бийских купцов завязать правильные торговые сношения с этим городом едва ли осуществимы» [ВО, № 4 1884: 7].

¹ Отчество не известно.

² Так в источнике.

О важности Енисейской системы для пути в Китай в газету писал неизвестный автор, сокрушавшийся, что все совершенно забыли, что, «*кроме Кяхты и Владивостока с Амурским краем, существует верхнее течение Енисея, откуда идет кратчайший путь между русскими реками и системой Желтой реки — сердцем Китая*» [ВО, № 29 1887: 1] и куда ни один из иностранцев еще не проникал. Он убеждал, что если Россия хочет распространения своих мануфактур в Китае, то нельзя по старинке ограничиваться одним-двумя пунктами, куда наши фирмы будут свозить свой товар, потому что в таком случае они окажутся в руках китайских скупщиков. «*Имея доступ во внутренний Китай с разных сторон, мы можем <...> выбирать и пункты для отправки больших партий наших товаров, — доказывал он. — <...> если благоприятные условия для сношений с застенным Китаем сложились более в пользу пути от Селенги, чем от Енисея, зато последний путь имеет преимущества для торговли с Монголией*» [ВО, № 29 1887: 2]. «*Если нам удастся стать твердой ногой на верхнем Енисее — сила вещей заставит китайское правительство дать необходимые льготы для русской промышленности*», — соглашалась с ним газета в редакционной статье «Пограничный вопрос» [ВО, № 50 1889: 4].

Оба направления по темпам роста значительно опережали традиционное направление русско-монгольской торговли через Кяхту и по границе Забайкальской области. Одной из причин было то, что кяхтинская торговля ориентировалась преимущественно на чай, шедший из внутренних провинций Китая. Торговля же собственно с Монголией для забайкальских и иркутских предпринимателей в данный период не приобрела самостоятельного значения, хотя в абсолютных цифрах не уступала бийскому направлению и превосходила минусинское [Старцев 2003: 140].

Что касается третьего маршрута в западную Монголию через Тункинский край, то по нему тоже ведется довольно значительная торговля с Монголией, писал автор очерка «Торговая дорога в Монголию», перечисляя широкий ассортимент товаров, предлагаемый той и другой стороной. «*Принимая во внимание общий оборот, прогрессирующее расширение торговли с обширной соседней страной, естественно думать, что ввиду государственного значения торговых сношений будут приняты все меры, способствующие их развитию и укреплению*» [ВО, № 47 1891: 9]. Однако, констатирует автор, практика дает совершенно иное. «*Наша монгольская торговля через тункинскую долину не имеет в себе решительно ничего европейски благоустроенного, где русский купец за никуда не годные фабрикаты, залежавшиеся в иркутских складах, отбирает у монгола часть скота и баранов и наживает при этой сделке — где рубль на рубль, где две копейки на копейку. Углубляясь в степи, он, если его ограбят, надуют или не отдадут долга, должен устраиваться своими средствами, тягаться у местного начальства или жаловаться единственному представителю российского государства в Монголии — ургинскому консулу, который живет в буквальном смысле за тридевять земель и действительной помощи оказать не в состоянии*» [ВО, № 47 1891: 9]; «*...главное будет все-таки развитие путей сообщения, путей для сбыта русских товаров*», — резюмировала редакция в передовой статье «Пограничный вопрос» [ВО, № 50 1889: 4].

Вторым серьезным препятствием к развитию русско-монгольской торговли, на которое обращали внимание корреспонденты «Восточного обозрения», была

конкуренция со стороны Китая. Подполковник М. В. Певцов писал в отчете, что, хотя у монгольского покупателя очень популярны российские металлические изделия и «*наши выделанные кожи, в которые обувается почти все население Монголии*», «*из мануфактурных <...> произведений хорошо идет только один плис, покупаемый монголами охотно для украшения своих шуб и халатов <...>. Прочие же произведения нашей мануфактуры сбываются очень плохо по причине сильной конкуренции китайцев, снабжающих Монголию как своими, так отчасти и английскими бумажными тканями, которые там теперь не редкость*» [ВО, № 3 1884: 3]. Автор отчета видел причины превосходства китайской торговли над русской в лучшем знании китайскими купцами конъюнктуры монгольского рынка и наличии удобной транспортной инфраструктуры, позволяющей китайским купцам быстро и сравнительно дешево доставлять в Монголию необходимые товары. М. В. Певцов указывал, что торговавшие в Монголии богатые китайские фирмы, зная слабость местной администрации к деньгам, успешно использовали ее в своих целях. «*Все претензии и взыскания этих фирм с местного населения, — отмечал он, — удовлетворяются в точности и без проволочек, благодаря щедрым приношениям их чинам административной иерархии*» [ВО, № 3 1884: 8].

С ним был не согласен М. Миловзоров, считавший сложившееся мнение о китайской конкуренции как главном препятствии к развитию российско-монгольской торговли преувеличением. Китайские купцы, по его мнению, служили «*умиротворительным целям*», поскольку сдерживали недовольное задержкой жалования войско, которое дислоцировалось в Монголии после дунганского восстания 1862–1869 гг. Автор даже оценивал каждую значительную китайскую фирму как важную политическую силу, поскольку они имели большое влияние «*на туземные власти*», которое отражалось на отношении последних к их естественным конкурентам — русским купцам. «*Речь не идет о торговом соперничестве китайских и русских купцов, — утверждал М. Миловзоров. — Это корыстные злоупотребления Китая, перешедшего на открытое преследование русской торговли в Монголии*» [ВО, № 33 1889: 10]. Он сообщал, что туземные (монгольские) власти были заинтересованы в русской торговле и что русская мануфактура пользовалась куда большим спросом, чем китайские, английские и американские ткани. Но, увидев, что русская торговля наносит удары китайской, «*туземная власть перестала ей покровительствовать и перешла к мелким придиркам. Русских стали преследовать, под надуманными предлогами сажать в тюрьму, требовать, чтобы они убралась. А в Кобдо, базисе русской торговли в Западной Монголии, отношения власти к русским получили характер враждебных притязаний*» [ВО, № 33 1889: 10]. Между тем, доказывал автор, хотя власти Кобдо не без основания усмотрели опасность для собственных интересов в поставке русскими черного чая в Кобдо и Кош-Агач, что, несомненно, при превосходстве российской мануфактуры сулило упрочение русского торгового влияния в Монголии и последующее вытеснение торговли китайских фирм, для туземной власти это было выгодно. Китайская торговля базировалась на систематической и грубой кабале населения, что очень беспокоило монгольские власти [ВО, № 33 1889: 10]. Автор корреспонденции о русской колонии в Урге писал, что русскими товарами среди монголов торгуют китайцы, которые просто вытеснили русских купцов с ургинского рынка. Русским соперничать с

китайцами трудно, потому что монголы приучены к китайским товарам, из-за чего главный ассортимент товаров в лавке монголов должен был быть непременно китайским, а русские товары набираются китайским торговцем только как «нагрузка» [ВО, № 36 1888: 9]. Китайское правительство, не заинтересованное в улучшении и развитии русско-монгольских связей, использовало всевозможные средства для дискредитации русских в глазах монгольского народа. Но последовательно миролюбивое отношение русских к монголам уничтожало эти преграды [Единархова 2015: 135].

Интересно, что выводы М. В. Певцова и М. Миловзорова противоречили собственным аргументам и больше подходили к суждениям друг друга. М. Миловзоров, не считавший китайскую конкуренцию основным препятствием для русской торговли в Западной Монголии, признавал, что злоупотребления китайской власти вкупе с ловкими спекулятивными приемами китайских торговцев создали для русской торговли целую сеть ограничений, способных причинить неисчислимый вред русским интересам в Монголии. По мнению автора, причина такой ситуации кроется в ослаблении российского дипломатического влияния, так как русские консульства в Урге и Чугучаке из-за своей отдаленности не в состоянии поддерживать это влияние в пунктах русской торговой деятельности — Кобдо, Улясутае и пр.¹ [ВО, № 33 1889: 11]. М. В. Певцов же, который писал о китайской конкуренции, напротив, пришел к конечному выводу, что, несмотря «на все невыгодные условия, которыми обставлена теперь наша торговля в Монголии, нет основания <...> пророчить ей несостоятельность пред китайской конкуренцией» [ВО, № 4 1884: 8]. По мнению военного, русская торговля в Монголии не должна пасовать перед своими соперниками-китайцами, потому что они не могут лишиться ее той роли, которая «силою нашего прогрессивного упреждения определена ей там» [ВО, № 4 1884: 8]. Даже теперь, доказывал автор отчета, при столь неблагоприятных для сбыта наших произведений обстоятельствах, русские товары находят себе многочисленных покупателей в Монголии и незаменимы китайскими. В качестве главного препятствия подполковник называет не китайскую конкуренцию, а отсутствие удобных путей сообщения и выражает надежду, что при их появлении китайские металлоизделия, пока еще популярные в Монголии, должны будут уступить место русским. «Китайское трудолюбие и хлопотливость не могут спорить с силою пара, — доказывал он, — а вековая косность этого народа не в силах противостоять успехам русской техники, обогащающейся с каждым днем новыми открытиями» [ВО, № 4 1884: 4]. Солидарны оба автора в одном — уверенности в радужных перспективах российской торговли в Монголии. М. Миловзоров обращал внимание читателя на то, как русская торговля, «упорно пробивая себе путь в города и кочевья Западной Монголии, <...> вполне самостоятельно вступила в то широкое русло, которое открывает перед ней блестящее будущее» [ВО, № 33 1889: 11]. «...мы не только не решаемся предвещать нашей

¹ Приблизительно такие же выводы прозвучали в корреспонденции «Наши торговые сношения с Китаем», автор которой сетовал на полную незащищенность русских купцов от чинимых препятствий и даже оскорблений. Поддержки они ни могли дожидаться не только от китайских властей, которые и сами притесняли русских торговцев, не пуская их в города и вынуждая торговать буквально в чистом поле, но и от своих дипломатов. В материале рассказывалось, что бийский купец Иванов пожаловался на притеснения китайских властей консулу Н. Н. Балкашину в Чугучаке, но в ответ получил лишь совет «подчиняться китайским властям и не быть притязательным» [ВО, № 13 1886: 8].

русской торговле в Монголии печальную будущность, — убеждал и М. В. Певцов, — но, напротив того, твердо веруем в ее преуспевание» [ВО, № 4 1884: 8].

Столь оптимистичные предсказания разделял автор корреспонденции «Теснина Енисея» Г. Н. Потанин, высоко оценивавший старания купцов *«проникнуть глубже за границу, стать в прямые сношения с соседями и отыскать новые рынки для сбыта русских товаров и новые предметы для ввоза»* [ВО, № 14 1890: 1]. По его наблюдениям, количество ввозимых в Монголию русских товаров год от года возрастало, а цены на них в результате конкуренции *«понизились и сделались более нормальными»* [ВО, № 14 1890: 1]. Но главное — русская торговля успела уже привить монгольскому населению некоторые новые привычки, в результате чего монголы стали чаще покупать русские товары, а *«китайские материи потеснились русскими»* [ВО, № 14 1890: 1]. *«Надо надеяться, что в будущем это приучение монгольской массы к русским произведениям будет увеличиваться»*, — приходит к выводу автор [ВО, № 14 1890: 1]. Напуганная этим китайская администрация даже пыталась воздействовать всеми способами на монголов, чтобы отучить их от употребления русских товаров [Старцев 2003: 156].

Россия, для которой Монголия была еще и посредником в чайной торговле, ценилась монголами как предоставляющая возможность хорошего заработка: перевозка чая по Монголии ежегодно приносила местному населению около 2 млн руб. Возчики-монголы были сильно заинтересованы в договорах с русскими купцами, поскольку те всю провозную плату вносили серебром, тогда как китайцы платили серебром только частично, внося остальную плату товарами китайского производства, да еще и удерживали комиссию в размере 10 % от общей суммы [Кальмина, Курас 2020: 155].

Доставка чая морем грозила подорвать кяхтинскую чайную торговлю, что очень беспокоило редакцию «Восточного обозрения». В передовой статье «Падение Кяхтинского торга» выражались опасения, что прекращение ввоза чая через Ургу и Кяхту грозит потерями не только торговцам, но всем жителям Сибири, где еще нет развитой промышленности: транзит кормит население по всему сибирскому тракту. Редакция приводит мнение, по ее выражению, *«весьма компетентного лица и старожила»* *«в разъяснение торговых сношений наших с Монголией и Китаем»*: *«Соседняя Монголия имеет громадный относительно ее народонаселения заработок от перевозки чаев, идущих на Кяхту, как русских, так и китайских <...>, почему монголы, подданные Китая, питают к русским как соседи, хорошие отношения. В случае, если провоз чаев чрез Монголию прекратится или упадет до ничтожной цифры, то монголы, лишившись привычного извозного промысла, из хороших соседей превратятся в худых»* [ВО, № 13 1889: 2]. Причину таких печальных перспектив автор видел в том, что монголам жить больше нечем: земледелием они не занимаются, и промышленности у них нет. Если их *«перевозочные средства»* — верблюды и быки — не найдут применения, то им ничего не остается как добывать себе пропитание воровством и грабежами вдоль границы, *«к чему они склонны по своему кочевому положению и образу жизни»* [ВО, № 13 1889: 2]. *«...Приводя это письмо старожила и принимая во внимание другие соображения и интересы, мы видим, что падение кяхтинского торга может рассматриваться не с одной только точки зрения промышленно-торговой, купеческой.*

Нет! — восклицает редакция. — <...> *Нужно предусматривать и предугадывать, в каком положении очутится масса трактового населения, лишенная транзитного заработка, <...> что получится на наших сибирских границах, когда мы прервем торговые сношения с Монголией и Китаем? Иначе для чего было поддерживать эту торговлю правительству два века, создавать ей поощрение, культивировать ее? Неужели для того, чтобы так легко с ней расстаться и разом уничтожить ее?»* [ВО, № 13 1889: 2].

«Торговля в Монголии, несмотря на всю трудность путей и вообще на полную незащищенность, развивается, — писал собственный корреспондент газеты из Кобдо, — некоторые из мануфактурных товаров, как-то бумажные и пеньковые ткани почти не привозятся китайцами» [ВО, № 1 1883: 9]. Журналист отмечал, что русская мануфактура вытесняет даже английскую. К тому же китайские фирмы теряют кредит *«среди монгольцев»*. Однако у него был собственный взгляд на меры активизации русской торговли в Монголии, отличный от вышеприведенных авторов. Он считал, что в первую очередь нужно приобрести полное доверие *«туземцев»*, *«для чего потребуется изменить даже самую манеру русской торговли»*, которая должна быть дружелюбной и честной. Если русские купцы создадут себе репутацию людей совестливых и полезных, утверждал он, она приучит влиятельных лиц в Монголии смотреть на русскую торговлю как на нужное дело, *«открывающее новые источники богатства в стране»*, а не *«подрывающее местное народное хозяйство»*, после чего *«и остальные препятствия в русской промышленности <...> сами собой уничтожатся»*. *«Русская торговля развивалась бы успешнее, если б сами русские купцы внимательнее и строже относились к себе»*, — доказывал корреспондент, приводя в качестве примера недобросовестности купца, который *«изобрел аршин в 12 вершков и очень усердно заменяет им 16-вершковый»*, *«с удивительно ловкостью продает монголам бязь вместо нерезаного плиса и отпускает пшеничный крахмал вместо сулемы»* [ВО, № 1 1883: 9]. Власти Кобдо даже были вынуждены жаловаться на недобросовестных российских торговцев русскому консулу в Урге, но русские купцы в ответ заявили, что *«торговля в Монголии без проделок невозможна»* [ВО, № 8 1883: 4]. Автор сетует, что торговцы, которые только и стремятся урвать свою долю, совсем не думают *«о будущем наших торговых сношений с Монголией»* [ВО, № 8 1883: 5]. Впрочем, монголы тоже быстро усваивали преподанные уроки. *«Прежде монголам можно было поверить товар на честное слово, — писал в газету автор очерков о Тунке, — но теперь они научились у наших бурят плутовать (а буряты у кого научились?), и вести с ними дело нужно уже осторожно. Вперед выдается товар только благонадежным людям или за поручительством местных чиновников»* [ВО, № 70 1893: 4].

В начале 1890-х гг. интонация становится более пессимистичной. В материале «О нашей торговле на Азиатском Востоке» автор Д. Даурский сетует на то, что в силу географического положения наша сухопутная торговля должна бы была завоевать главные рынки северного Китая. Однако из торговых сведений видно, что со времени пекинского договора наша торговля хотя и увеличилась, но все же поражает мизерностью общего годового оборота, не превышающего 2 млн кредитных руб. для Монголии. *«Таким образом, — резюмирует автор, — Монголия с ее трехмиллионным населением потребляет русских товаров не*

более как на 900 тысяч руб. в год, или потребность в русском товаре выразится менее 30 копеек на человека. Лишь транзитная торговля с северным Китаем через Монголию и Кяхту, благодаря покровительственной пошлине, даст более внушительную цифру годового оборота в двадцать с лишком миллионов рублей, но нужно помнить при этом, что четыре пятых всей этой суммы составляет вывоз чая» [ВО, № 6 1891: 4]. Автор солидарен с корреспондентом из Кобдо, что причина кроется в самих «пионерах нашей сухопутной торговли», в большинстве своем людей, главная цель которых — «быстрая нажива без разбора средств, **отсутствие солидарности**» (выделено в тексте нами. — Л. К., Л. К.) между собою, извращенное представление о коммерческом деле <...>» [ВО, № 6 1891: 4]. По его мнению, завладеть монгольскими рынками можно только в том случае, «когда заслужим доверие потребителей доброкачественностью и дешевизной товаров и когда наши товары явятся необходимостью для них, т. е. <...> должны приучить потребителей к нашим произведениям» [ВО, № 6 1891: 4].

5. «Нам скорее свойственно готовить себя к мирным завоеваниям»

Теперь мы переходим к истинной цели изучения русскими путешественниками Монголии и стараний российских торговцев там утвердиться, которую очень хорошо понимала редакция «Восточного обозрения», а именно: усиление позиций России в Монголии и включение ее в орбиту своего влияния. Неслучайно научные экспедиции, направленные в этот регион во второй половине XIX – начале XX вв. для изучения географии, геологии, растительного и животного мира, истории и этнографии, возглавлялись, как правило, военными. Основной состав этих экспедиций также состоял из офицеров и казаков [Кузьмин 1997: 101–102].

К интересному заключению пришел автор статьи о путях доставки чая морем, который составил серьезную конкуренцию кяхтинскому маршруту. Оценив ущерб для сибирского населения, которое «лишается заработка по провозу чаев и всех выгод, выпадающих от торговли и на долю низших классов» [ВО, № 12 1885: 4], он упоминал ослабление позиций России в Монголии с прекращением или уменьшением объемов кяхтинского торгова. «Не следует ли принять к сведению, чем была наша торговля чаями с Китаем в Забайкалье и на границах? — задается вопросом автор. — <...> Здесь мы имели путем чайной торговли постоянные сношения с Монголией, русская мануфактура сбывалась, также благодаря этому торгу, наша торговля привлекала к нам монголов, и здесь был источник нашего известного влияния. <...> здесь возникает вопрос о нашем политическом влиянии. Мы говорим о национальной слабости нашей на азиатских окраинах <...> и сами покушаемся закрыть последние двери в Китай и добровольно спускаем торговый флаг в нашей единственной фактории» [ВО, № 12 1885: 4]. В конце статьи автор еще раз настаивает на том, что чайная пошлина не должна оцениваться как частный торговый вопрос. «Это вопрос нашего влияния, нашего „быть или не быть“ на восточной границе Китая и Сибири» [ВО, № 12 1885: 4]. Здесь, однако, следует сказать, что к этому времени ввоз товаров из Монголии через Кяхту уже не служит показателем объема русско-монгольской торговли, поскольку русское купечество стало активно внедряться на монгольский рынок по другим направлениям [Тагаров 2014: 176].

Способы достижения российского влияния в Монголии авторы «Восточного обозрения» видели по-разному. Незвестный корреспондент в письме в редакцию предлагал силовое решение вопроса. *«В наших стратегических соображениях мы <...> забыли про Енисей, — писал он. — Представим себе, что мы не пожалели не миллионов, а десятков, много-много сотен тысяч и завели правильное пароходство по верхнему Енисею. Мы стоим тогда твердой ногой на Улу-Кеме. 500 верст от нас Улясутай, откуда ведут дороги и в Ургу, и в Калган, и в Хами. Возникают недоразумения с Китаем — одна диверсия на Улясутай, одна возможность ставит нашего противника в крайне затруднительное положение! Владея путем по Енисею, мы всегда имеем возможность угрожать Улясутаю, а стал быть, и всей северной Монголии, тогда как для Китая в этом пункте мы совершенно недоступны. <...> Отправили мы несколько батальонов в Монголию, взяли Улясутай — наши пути сообщения с хлебородным Минусинским округом при пароходстве обеспечены. Дорога от Улу-Кема до Улясутая удобная, можно везти и пушки, и ракетные станки, если вздумается. Сопротивления никакого не встретится. Кочевник монгол и сойот плохо вооружены, большие трусы и люди мирные сами по себе. Не забудем и того еще, что эта иррегулярная монгольская орда в весеннее время, пока лошади не отъедятся после зимней голодовки, едва может двинуться с места, <...> вооружена чем Бог послал»* [ВО, № 29 1887: 2]. Автор письма уверял, что риск получить отпор от китайцев отсутствует, потому что для них держать гарнизон в Улясутае только ради того, чтоб в случае наступления русских войск не отдать город без выстрела, будет недешево. Хлебопашество в Монголии развито слабо, а продовольствие стоит дорого. *«Мирные торговые сношения должны упрочить наше влияние в Монголии, — заключал автор. — Все это поможет нам при военных действиях стать в сносные отношения к местному населению»* [ВО, № 29 1887: 2].

Такой же точки зрения придерживался видный востоковед В. П. Васильев, который с той же интонацией призывал *«не упускать из виду Маньчжурии и Западного края»* [ВО, № 37 1884: 3]. Здесь и наступление, и сама победа, по его мнению, были вполне обеспечены. *«Стоит только подняться на пароходах с несколькими батальонами вверх по Сунгари до Гирина, и вся Маньчжурия в наших руках. <...> Займите Гирин, и не только Маньчжурия, но и самые лучшие земли Монголии будут в ваших руках сами собою!»* — доказывал ученый, много лет сотрудничавший с газетой [ВО, № 37 1884: 3]. *«Восточный вопрос для России здесь, а не на Босфоре. Проще бы занять часть Монголии, Маньчжурии и Кореи, от Кульджи чрез Улясутай, Ургу, Гирин, Ниигуту до порта Лазарева, тогда мы будем жить спокойно», — писал в «Новое время» неизвестный автор, чью статью «Восточное обозрение» взялось прокомментировать. «Несмотря на курьезность мнения нововременского корреспондента, доходящего до наивного абсурда в проектированных им мерах, — говорилось в передовой статье «Китайские дела и наш колонизационный вопрос», — они, однако служат свидетельством того, что политические отношения действительно обострились <...>. Китай не дремлет»* [ВО, № 3 1886: 1]. Приведенные мнения совпадали с точкой зрения военных агентов, в чьих исследованиях Монголия изучалась как возможный театр военных действий и которые выступали за ее превращение в «буферную зону» между Россией и Китаем [Кузьмин 2007: 12, 31].

У редакции «Восточного обозрения» был свой взгляд на судьбу Монголии и средств усиления российского влияния на монголов, который она изложила в передовой статье «Восточные дела и восточная политика», — мирная экспансия. *«...есть политика силы или права, утверждаемого на власти сильного, и есть политика культурного влияния, имеющая своей целью расширение экономического и торгового влияния, просвещение и цивилизующее влияние, — говорилось в статье. — Первая политика требует только постоянного содержания войск, ограждения и укрепления границ <...> и принобления самой границы к военным надобностям <...>. Солидарность, завязывание сношений в таких случаях несущественно. Другая политика предполагает совершенно другие средства и приемы. Это политика мира, политика, имеющая в виду проникать в соседние страны, знать их, ознакомиться с их цивилизацией, с духом племен и народов, политика сближения, путем экономического и торгового обмена, политика нравственного влияния»* [ВО, № 17 1885: 2, 3]. По мнению редакции, стратегические и военные приготовления на сибирской границе были бы непроизводительной тратой, поскольку «северо-восточным колониям», каковыми является Сибирь, никогда не угрожала опасность. *«Какие огромные выгоды предстоят для гражданского развития, для мирного прогресса, для процветания наук, вообще для благосостояния?! — писали журналисты. — <...> Поэтому нам остается занятие более мирными задачами и скорее свойственно готовить себя к мирным завоеваниям. <...> Мы смеем думать, что эта политика дает нам более силы на Востоке, что она будет более надежна»* [ВО, № 17 1885: 3]. «Вопрос о нравственном влиянии нашем на подданных Китайской империи — союзов и монголов — может оказаться и трудным, и легким для решения, — вернулась к этому вопросу редакция через несколько лет. — Если наша администрация сумеет стать выше китайской, будет представлять собой интересы и понятия более высокого порядка, то доверие и симпатии местного населения окажутся, несомненно, на нашей стороне» [ВО, № 50 1889: 4].

Таким образом, редакция предлагала в качестве средства усиления российского влияния в Монголии то, что мы сейчас называем «мягкой силой», которое Россия впоследствии успешно применяла на Востоке [Курас и др. 2018: 26–31, 43–47]. Китайская газета «North China Herald», чью передовицу перепечатало и прокомментировало «Восточное обозрение», считала, что сила остается за Китаем, только пока поддерживается мир. При малейших беспорядках Монголия, составляющая номинально часть Китайской империи, предпочла бы перейти к России. А в случае, если бы началась война, то все монголы выступили бы на помощь русским, и вся территория без всякого труда составила бы собственность русского царя. Это совпадало с мнением некоторых военных разведчиков, считавших, что предстоящая неизбежная ассимиляция отдельных монгольских племен сделает их самыми надежными союзниками России, «преданным нам народом, который охотно готов переменить китайское подданство на русское» [Кальмина, Курас 2020: 157]. «Восточное обозрение» в своем комментарии отметило, что Россия не имеет серьезных притязаний на Монголию, однако, по ее мнению, подобный взгляд на отношение к нам Монголии не лишен основания [ВО, № 3 1882: 7].

Редакция «Восточного обозрения» сетовала, что Россия мало что сделала для сближения с Монголией, «хотя торговля на юге Сибири и пытается

проложить сюда путь» [ВО, № 3 1882: 7]. Н. М. Ядринцев в своем докладе говорил о том, что будущее покажет, кому на долю выпадет создание культуры в Монголии — китайцам или русским. Но успех русским будет сопутствовать только в том случае, если *«трудолюбию и опыту китайцев»* Россия выставит *«равную силу европейского знания»* [ВО, № 11 1892: 6].

Г. Н. Потанин не разделял этих взглядов на взаимоотношения китайского правительства и монголов, считая, что монголы больше терпят от собственных князей, чем от китайского правительства, которое *«не вмешивается в народную жизнь Монголии, <...> не оскорбляет народных обычаев и к религии относится с самою широкою терпимостью»* [ВО, № 18 1887: 8]. Он также усомнился, что культура в Монголию будет привнесена из России, потому что *«в Монголию идут в основном торговцы, которые представителями цивилизации не являются»* [ВО, № 18 1887: 8]. *«Проникают они в северо-западную Монголию из трех пунктов: Бийска, Минусинска и Тункинской долины, а все три пункта — сибирское захолустье с „бедной интеллигентной жизнью“»* [ВО, № 2 1882: 18]. Однако при развитии Сибири *«своих умственных задатков»*, надеялся ученый, она в будущем *«сможет благотворно повлиять на соседа»* [ВО, № 2 1882: 18].

С середины 1890-х гг. монгольская тема отошла в газете на второй план. Ее заслонили события, которые могли серьезно изменить расклад политических сил на Дальнем Востоке: Японско-китайская война 1894–1895 гг., «боксерское» восстание, Русско-японская война. В редких «монгольских» материалах Монголия рассматривалась теперь только в контексте данных событий, как, например, в корреспонденции Д. Люба¹, который в 1894 г. писал в газету из Урги, что интерес к военным действиям Китая с Японией начал проявляться и в здешних монголах, хотя и в весьма незначительной степени. *«Более всего интересуются войной, конечно, здешние власти и князья, — но <...> если ургинское высшее начальство располагает самыми скудными сведениями из Пекина, то в народе и таких сведений не имеется вовсе»* [ВО, № 128 1894: 3]. Информацию амбани получали из российского консульства в Урге, а рядовые монголы — от русских, живущих в городе. В Улясутае новости о войне монголы получали от русских торговцев, которые в свою очередь черпали их из писем, телеграмм и газет, которые поступали через консульство [ВО, № 128 1894: 3]. Анализируя роль России в заключении японско-китайского мирного договора 1895 г., автор письма из Монголии указывал на полное бескорыстие России в предоставлении Китаю возможности заключить мир на менее тяжелых условиях, поскольку надеяться на право открывать фабрики внутри Китая для России уже совершенно бесполезно. *«Мы извлечем из <...> договора пользу для себя только в том случае, если на правах наиболее благоприятствуемой державы <...> получим разрешение <...> приобретать в собственность и арендовать земельные участки и открывать промышленно-торговые заведения в пределах, доступных для нашей торговли. Это одно из вернейших средств поднять нашу жалкую торговлю в Монголии»* [ВО, № 73 1895: 3].

Прогнозы авторов газеты часто сбывались. В частности редактор газеты И. И. Попов считал, что сооружение Транссибирской магистрали *«передвинет»* традиционный чайный путь через Кяхту, которая в таком случае *«может приобрести значение передаточного пункта в Монголию для русских мануфактур»*

¹ Так в источнике.

и вообще может содействовать развитию русской торговли в Монголии» [ВО, № 77 1895: 1]. Так и получилось. Потеряв свое значение как «точка отсчета» торговли с Китаем после открытия морского пути доставки чая и проведения железной дороги в обход города, Кяхта стала местом русско-монгольского торгового обмена, находясь в полной товарной зависимости от Монголии [Даревская 1994: 28].

6. Заключение

Монгольская тема занимала значительное место среди публикаций «Восточного обозрения» в силу близкого соседства. Материалы газеты, отличавшиеся глубоким анализом, не только предоставляли читателю информацию о «сегодняшнем дне» Монголии. Они рассматривали причины, способствующие или, напротив, затрудняющие развитие российско-монгольских отношений; высказывали предположения об их будущем; определяли место Монголии в имперских амбициях России и обсуждали способы их достижения. Газета считала помехой российско-монгольскому торговому обмену неразвитые пути сообщения и препятствия, чинимые Китаем. Понимавшее, что Россия хочет втянуть Монголию в орбиту своего влияния, издание предлагало сделать это с помощью «мягкой силы»: сблизиться с Монголией путем интенсификации торговли, наводнить монгольский рынок российскими товарами, оказать на монголов «нравственное влияние». Эта стратегия впоследствии была успешно применена российским / советским государством.

У газеты не было возможности убедиться в своей правоте: в 1906 г. она была закрыта за оппозиционный образ мыслей.

Источники

ВО 1882–1897 — Восточное обозрение. 1882–1897.

Монголия... 1891 — Монголия. Опыт военно-статистического очерка Командира 2-го драгунского С.-Петербургского Генерал-Фельдмаршала Князя Меншикова полка А. А. Баторского // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб.: Изд. Военно-Ученого Комитета Главного Штаба, 1891. 277 с.

Sources

The Eastern Review. 1882–1897.

Mongolia. Military-Statistic Essay Experience of A. A. Batorsky, the Commander of Field Marshal General Prince Menshikov's the Second St. Petersburg Dragoon Regiment. In: Papers of Geographic, Topographic and Statistic Materials on Asia. Vol. XLVIII. St. Petersburg: Military Scientific Committee of the General Staff, 1891. 277 p.

Литература

Гольдфарб 1997 — Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1997. 217 с.

Даревская 1994 — Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1994. 396 с.

References

Goldfarb S. I. *The Eastern Review*, 1882–1906. Irkutsk: Irkutsk University, 1997. 217 p. (In Russ.)

Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia: Essays of Russian-Mongolian Relations, Late 19th – Early 20th c.* Irkutsk: Irkutsk University, 1994. 396 p. (In Russ.)

- Единархова 2005 — *Единархова Н. Е.* Русские купцы и авантюристы в Монголии вторая половина XIX – начало XX вв. Иркутск: ИГПУ, 2005. 192 с.
- Единархова 2015 — *Единархова Н. Е.* Кяхта и Кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 164 с.
- Кальмина 2024 — *Кальмина Л. В.* Торговая деятельность сибирского купечества на рубеже XIX–XX вв.: фактор границы // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 3 (4). С. 64–73.
- Кальмина, Курас 2020 — *Кальмина Л. В., Курас Л. В.* На случай войны с «заклятым другом» (Проекты «китайской» политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 152–161.
- Кудинов 1887 — *Кудинов И. Ф.* В чужих краях Путешествие по Монголии и Китаю. М.: Тип.-лит. т-ва М. Г. Кувшинова, 1887. 527 с.
- Кузьмин 1997 — *Кузьмин Ю. В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1997. 232 с.
- Кузьмин 2007 — *Кузьмин Ю. В.* Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки. Улан-Батор: [б. и.], 2007. 161 с.
- Курас и др. 2018 — *Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В.* Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2018. 112 с.
- Старцев 2003 — *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. 308 с.
- Тагаров 2022 — *Тагаров Ж. З.* Монголия и история мировой экономики: сб. ст. / отв. ред. И. Е. Козырская, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: БГУ, 2022. 124 с.
- Edinarkhova N. E. Russian Merchants and Adventurers in Mongolia, second half, 19th – Early 20th Centuries. Textbook. Irkutsk: IGPU, 2005. 192 p. (In Russ.)
- Edinarkhova N. E. Kyakhta and Kyakhta Trade, 40–60s of the 19th Century. Irkutsk: Ottisk, 2015. 164 p. (In Russ.)
- Kalmina L. V. Siberian Merchants' Trade Activities at the Edge of the 19th–20th Centuries: Border Aspect. *Periphery. Provincial Areas Research Journal*. 2024. No. 3(4). Pp. 64–73. (In Russ.)
- Kalmina L. V., Kuras L. V. In Case of War with Sworn Friend (Russian Chinese Political Projects in the Military Agents' Reports at the Edge of the 19th – 20th Centuries). *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 456. Pp. 152–161. (In Russ.)
- Kudinov I. F. In Foreign Lands, a Journey through Mongolia and China. Moscow: M. G. Kuvshinov, 1887. 527 p. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Mongolia and Mongolian Issue in Russian Public -Political Circles (Late 19th Century – 1930s). Irkutsk: Irkutsk University, 1997. 232 p. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Mongolia and China, Early 20th Century in Russian Military Intelligence Service's Reports. Ulan-Bator, 2007. 161 p. (In Russ.)
- Kuras L. V., Kalmina L. V., Mikhalev A. V. Leaders of Russian Eastern Policy: Edge of the 19th – 20th Centuries. B. Bazarov (project supervisor, editor's response); L. Dameshek (scient. ed.). Irkutsk: Ottisk, 2018. 112 p. (In Russ.)
- Startsev A. V. Russian Trade in Mongolia (second half of 19th – early 20th Centuries). Barnaul: Altay University, 2003. 308 p. (In Russ.)
- Tagarov Zh. Z. Mongolia and World Economics Chronicles. Collection of Articles. Editor's response I. E. Kozyrskaya, Yu. V. Kuzmin. Irkutsk: Baikal State University, 2022. 124 p. (In Russ.)

- Тагаров 2014 — *Тагаров Ж. З.* Русско-китайская торговля через Кяхту и ее значение для развития торговых отношений России и Монголии // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Иркутск; Улан-Батор: БГУЭП, 2014. С. 172–177.
- Tagarov Zh. Z. Russian-Chinese Trade through Kyakhta and its Importance for Russia and Mongolia's Trade Relations Development. In: Russia and Mongolia, early 20th Century: Diplomacy, Economics, Science. Vol. 3. Part 1. Proceedings of III International Scientific-Practical Conference Participants. Irkutsk; Ulan-Bator. Baikal State University of Economics and Law, 2014. Pp. 172–177. (In Russ.)